

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Сюн Чанван

**Средства обозначения «недовольства собой»
в русском и китайском языках**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре сопоставительного изучения языков
факультета иностранных языков и регионоведения Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Богданова Людмила Ивановна**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Шаронов Игорь Алексеевич**
доктор филологических наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный
университет, историко-филологический
факультет, кафедра русского языка,
заведующий кафедрой

Меркулова Инна Александровна
доктор филологических наук, доцент,
Воронежский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра теоретической и прикладной
лингвистики, доцент

Игнатенко Александр Владимирович
кандидат филологических наук, доцент,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, филологический
факультет, кафедра иностранных языков

Защита диссертации состоится «29» октября 2026 года в 17:30 часов на
заседании диссертационного совета МГУ.058.1 Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991,
Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус,
филологический факультет, ауд.1060.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и
сайте ДС МГУ: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/4074>

Автореферат разослан «____» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Одинцова И.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена выявлению и анализу языковых средств, репрезентирующих в русском и китайском языках семантическое содержание *недовольства собой* как одного из проявлений самосознания и самооценки.

Недовольство собой рассматривается в работе как эмоционально-оценочное состояние, возникающее при осознании человеком несоответствия собственных действий или качеств внутренним либо внешним нормам и сопровождающееся самокритикой. Критическое отношение к себе и своим поступкам – это важная часть самосознания человека. Внутренний мир личности, ее эмоциональные и моральные переживания получают отражение в языке. В данной работе изучен нравственный аспект отношения человека к себе и своим поступкам. *Недовольство собой*, как одна из нравственных составляющих внутреннего мира личности, исследуется через анализ лексико-фразеологических реализаций *вины, стыда, совести, чести, зависти и ревности*.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена:

1) возрастанием интереса к проблемам морального самосознания личности, ее способности к самооценке и рефлексии; 2) языковой и культурной значимостью рассматриваемого феномена и нравственных категорий, связанных с ним; 3) отсутствием его целостного описания в лингвистике и осознаваемой необходимостью выявления и анализа языковых средств выражения *недовольства собой* и смежных понятий (*вины, стыда, совести, чести, зависти, ревности*), формирующих основу моральной самооценки; 4) растущей потребностью в системных и комплексных сопоставительных исследованиях репрезентации эмоциональной сферы в русском и китайском языках с целью определения общих и этноспецифических характеристик.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема анализа языковых средств, выражающих *недовольство собой*, до настоящего времени не получила системного освещения. В лингвистических исследованиях основное внимание уделялось смежным категориям – *вине, стыду, совести*, а само *недовольство собой* рассматривалось фрагментарно и не выделялось как самостоятельный объект анализа, не учитывались также различия между прямыми и косвенными способами выражения критической самооценки. Для осмысления сущности *недовольства собой* значимыми оказались работы, посвященные оценке и ценностным смыслам (Н.Д. Арутюнова;

Е.М. Вольф; А.А. Зализняк; В.В. Красных; В.Н. Телия и др.), а также семантические исследования (Ю.Д. Апресян; А. Вежбицкая; Н.А. Красавский; Т.И. Стексова; В.И. Шаховский и др.). Существенный вклад в изучение оценки и семантики эмоций внесли труды по лингвокультурологии и эмотивной лингвистике (А.В. Кунин; В.А. Маслова; В.И. Шаховский; В.Н. Телия; З.Д. Попова; Н.А. Красавский), а также исследования общих механизмов эмоциональной коммуникации (А. Вежбицкая; К. Изард; С.Л. Рубинштейн; В.И. Шаховский и др.). Вместе с тем в научной литературе сохраняются лакуны в изучении языковых средств, непосредственно и опосредованно обозначающих *недовольство собой*.

В китайской лингвистике изучение некоторых аспектов самооценки началось лишь в XXI веке. К основным направлениям исследования можно отнести семантический анализ слов с компонентом «自-» (само-): 自責 (букв. *самообвинение*), 自卑 (букв. *самоуничижение*) (труды Ван Ин), сопоставление понятий 面子 (букв. *лицо*) в китайском и *честь* в русском (Шень Цзяюань), сопоставительный анализ реализаций понятия *стыд* в русском и китайском языках (Лю Цзоянь), а также изучение проявлений *недовольства собой* в метафорическом аспекте (Шу Динфанг).

Объектом исследования являются языковые средства обозначения *недовольства собой*.

Предметом исследования являются сходства и различия в наборе лексико-фразеологических средств, описывающих *недовольство собой*, связанные с понятиями *вины, стыда, совести, чести, зависти и ревности* в русском и китайском языках.

Цель данной работы заключается в выявлении, описании и интерпретации общих и национально-специфических характеристик при обозначении *недовольства собой* в русском и китайском языках с помощью сопоставительного анализа лексико-фразеологических единиц, содержащих данный компонент значения.

Достижение поставленной цели потребовало решения ряда задач:

1. Выявить основные характеристики понятия *недовольства собой* в русском и китайском языках.
2. Определить роль нравственных категорий – *вины, стыда, совести и чести* – в формировании *недовольства собой* и их взаимодействие с данным

эмоциональным состоянием.

3. Установить взаимосвязь между *завистью*, *ревностью* и *недовольством собой* и выявить механизмы социального сравнения себя с другими в русской и китайской традициях.

4. Выявить различия в интерпретации рассматриваемых нравственных категорий в двух лингвокультурах на основе их метафорических и фразеологических репрезентаций.

5. Определить специфику языковой репрезентации *недовольства собой* и ее связь с культурными понятиями китайской и русской традиций.

Гипотезой данного исследования послужило предположение о том, что *недовольство собой* – это результат самооценки человека в совокупности с оценкой его поступков другими людьми, коллективом и обществом. Самоанализ человека, оценивание его поступков социумом получают отражение в вербальных реализациях этических понятий, связанных с нравственными категориями *вины*, *стыда*, *совести*, *чести*, *зависти* и *ревности*, т.е. понятий, имеющих отношение к нравственному сознанию. Изучение средств обозначения *недовольства собой* позволяет выявить сходства и различия в способе представления этических категорий в двух языках, что способствует пониманию различий в мировидении и этическом сознании представителей русской и китайской лингвокультур.

Методы исследования: описательно-аналитический метод применялся для систематизации языкового материала и обобщения полученных результатов; дефиниционный анализ – для определения семантического объема и оценочных компонентов ключевых лексем и фразеологических единиц, репрезентирующих эмоционально-оценочные состояния; метафорический анализ – для описания образных моделей эмоционально-оценочных состояний (*вины*, *стыда*, *совести*, *чести*, *зависти* и *ревности*); контекстуальный анализ – для изучения функционирования языковых единиц со значением *недовольства собой* в текстах и выявления условий актуализации самокритической оценки; сопоставительный анализ применялся для выявления универсальных и национально-специфических особенностей репрезентации *недовольства собой* в русском и китайском языках; концептуальный анализ использовался при исследовании языковых реализаций нравственных категорий (*вины*, *стыда*, *совести*, *чести*, *зависти* и *ревности*).

Теоретической базой исследования являются труды в области:

– методологии семантических исследований и сопоставительного изучения языков (Н.Ф. Алефиренко; Н.Д. Арутюнова; Л.И. Богданова; А. Вежбицкая; Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров; Е.М. Вольф; В.И. Карасик; И.М. Кобозева; Е.С. Кубрякова; Н.А. Красавский; В.В. Красных; Т.В. Ларина; В.А. Маслова; И.А. Меркулова; И.Г. Милославский; З.Д. Попова; С.Л. Рубинштейн; И.А. Стернин; В.Н. Телия; И.А. Шаронов; В.И. Шаховский и др.);

– эмотивной лингвистики и концептуального анализа (Н.Д. Арутюнова; Л. Берне; Л.И. Богданова; Н.Т. Бунимович; А. Вежбицкая; В. Вундт; В.З. Демьянков; У. Джеймс; А. Захарова; К. Изард; Р. Корсини; Н.А. Красавский; Е.С. Кубрякова; К. Левин; Д.С. Лихачев; В.А. Маслова; Б.Г. Мещеряков; Г.Г. Молчанова; С.Л. Рубинштейн; А.В. Санников; И.А. Стернин; Д. Уотсон; В.И. Шаховский; 刘娟 Лю Цзюань);

– изучения эмоционально-оценочной лексики и смежных категорий, связанных с самооценкой личности (Н.Ф. Алефиренко; Ю.Д. Апресян; Н.Д. Арутюнова; А.А. Зализняк; К. Изард; Е.В. Падучева; З.Д. Попова; С.Л. Рубинштейн; И.А. Стернин; Т.И. Стексова; 胡先缙 Ху Сяньцзинь);

– лексической и фразеологической семантики (Н.Ф. Алефиренко; Ю.Д. Апресян; В.Л. Архангельский; А.П. Бабушкин; А. Вежбицкая; В. Fraser; И.В. Зыкова; А.В. Кунин; Н.А. Красавский; С.А. Маннапова; Е.О. Опарина; В.Н. Телия; А.И. Федоров);

– изучения метафорических моделей (Ю.Д. Апресян; Н.Д. Арутюнова; Л.И. Богданова; Е.М. Вольф; М. Джонсон; Н.А. Красавский; В.В. Красных; Дж. Лакофф; Г.Г. Молчанова; А. Музолф; А. Ричардс; 林书武 Линь Шуу).

Научная новизна работы заключается в следующем:

– выявлены особенности эмоционально-оценочного состояния *недовольства собой* в межкультурном и межъязыковом аспекте на материале русского и китайского языков;

– обосновано, что, в отличие от предшествующих исследований, в которых *недовольство собой* рассматривалось фрагментарно и преимущественно через смежные категории (*вина, стыд, совесть* и др.), в данной работе оно представлено как самостоятельный объект научного анализа;

– установлено, что использованный в работе подход «от значения – к

средствам его выражения» обеспечил системное описание языковых способов репрезентации рассматриваемого эмоционально-оценочного состояния;

– выявлены универсальные и национально-специфические способы вербализации *недовольства собой* как эмоционально-оценочного состояния в русском и китайском языках;

– введен в научный оборот эмпирический материал (лексика, фразеология, метафорические модели, корпусные примеры), на основе которого установлены ранее не описанные параллели и различия в вербализации данного состояния.

Теоретическая значимость работы определяется следующими факторами:

1) систематизированы средства выражения значения «*недовольство собой*», что может способствовать идеографическому описанию этого фрагмента эмоциональной сферы человека;

2) установлены национально-культурные компоненты в обозначении данного эмоционального состояния, осмысление которых вносит вклад в развитие лингвистики эмоций;

3) выявлены лакуны в отражении эмоциональной сферы человека разными языками, что способствует развитию сопоставительных исследований эмоциональной семантики и углублению представлений о межкультурных различиях;

4) обоснован и разработан комплекс разных видов анализа языкового материала и последовательного их применения для системного изучения сложного эмоционально-оценочного состояния, каким является *недовольство собой*, что расширяет методологическую базу исследований в области лингвистики эмоций и сопоставительного языкознания.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что разработка принципов исследования лексических и фразеологических групп может найти применение в преподавании русского и китайского языков; результаты исследования могут быть также использованы в переводоведении и межкультурной коммуникации, кроме того, полученные данные могут быть полезны в лексикографической практике при создании семантических (идеографических) словарей, тематических словарей, переводных словарей, а также словарей синонимов и антонимов.

Материалом исследования послужили лексемы, фразеологизмы и

паремии, зафиксированные в словарях русского и китайского языков. Общий объем изученных лексико-фразеологических единиц с учетом лексико-семантических вариантов в русском языке составляет 138 единиц, в китайском языке – 105. Исследование было дополнено анализом примеров из текстов, выбранных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Корпуса китайского языка Пекинского университета (ВСС). Объем проанализированных текстовых примеров составляет 105 текстовых фрагментов на китайском языке и 101 – на русском языке.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. *Недовольство собой* в русском и китайском языках представляет собой самостоятельную эмоционально-оценочную категорию, объединяющую критическую самооценку и осознание несоответствия собственных действий, качеств или внешности личным и социальным нормам, при этом способы ее языковой репрезентации имеют как общие, так и этноспецифические особенности.

2. В русском и китайском языках *недовольство собой* тесно связано с нравственными категориями – *виной, стыдом, совестью и честью*. *Вина* вызывает страдания и стремление к искуплению, *стыд* сопровождается телесными реакциями, *совесть* – внутренний судья, *честь* регулирует самоуважение. В китайской традиции акцент делается также на нравственную категорию *потери лица*.

3. *Недовольство собой* может сопровождаться *завистью* и *ревностью*. *Зависть* возникает при социальном сравнении и может иметь разрушительной характер, а также проявляться в форме «белой зависти» (позитивного восхищения). *Ревность*, основанная на любви и стремлении к обладанию, усиливается страхом утраты и недоверием, что обостряет *недовольство собой*. В китайском языке оба состояния обозначаются как 嫉妒, а фразеологизм 吃醋 (букв. *пить уксус*) метафорически обозначает *ревность*.

4. Метафорическое осмысление нравственных категорий в русском и китайском языках характеризуется как общими моделями, так и этноспецифическими различиями. В русском языке *вина* осмысливается через образы «пятна» и «неровной поверхности», предполагающие очищение или исправление, тогда как в китайском языке акцентируется идея компенсации причиненного ущерба. *Совесть* в обоих языках выполняет

функцию внутренней моральной оценки, однако в русском языке она преимущественно рассматривается как внутренний судья, а в китайском — как ценность, которую можно сохранить или утратить. *Честь* в обоих языках связан с понятием лица, но его семантическое наполнение различается: в русском языке «потеря лица» соотносится с утратой индивидуального достоинства, в китайском — с нарушением норм социального поведения и этикета. Оценка *зависти* также различается: в русском языке положение объекта *зависти* может соотноситься с признанием успеха, тогда как в китайском языке оно получает преимущественно отрицательную оценку.

5. В русской культуре *недовольство собой* может восприниматься как стимул к самосовершенствованию. В китайской культуре оно связано с личностным ростом, но его языковая репрезентация, определяемая категориями 面子 и 羞愧, отражает зависимость самооценки от социальной оценки. Лексемы с 自, 羞, 耻 передают внутреннее переживание, а выражения 丢脸 фиксируют внешний социальный аспект. Понятие 无为而无不为 (букв. *недеяние, при котором всё достигается*) объединяет внутреннюю рефлексия с требованиями социального порядка.

6. *Недовольство собой* в русской и китайской лингвокультурах выступает как нравственно-оценочная категория, однако ее содержание и ценностная интерпретация определяются различными культурными нормами, моделями самоконтроля и представлениями о социально одобряемом поведении.

Обоснованность и достоверность выводов обеспечиваются опорой на проверенную временем теоретическую базу, использованием комплекса надежных исследовательских методов, а также репрезентативностью сопоставляемого материала – лексико-фразеологических единиц из словарей русского и китайского языков, текстовых фрагментов, содержащих единицы с семантикой *недовольства собой*.

Апробация работы. Основные положения данной диссертации изложены в 4 научных статьях, из которых 4 опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Проблематика диссертационного исследования освещалась на семи международных и

всероссийских научных конференциях: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 12 апреля 2021); X Юбилейная международная студенческая научно-практическая конференция «Россия глазами молодых» (Тверь, Тверской государственный университет, 22 мая 2021) – пленарный доклад; XIII Международная научно-практическая конференция «Человек в его духовном развитии: творчество Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому языку и литературе в иностранной аудитории (к 200-летию великих писателей)» (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, 19 ноября 2021); X Юбилейная международная научно-практическая конференция «Учитель. Ученик. Учебник (в контексте глобальных вызовов современности)» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 19 ноября 2021); XXIX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 12 апреля 2022); XI Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Москва, МГЛУ, 7–9 ноября 2022); XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 12 апреля 2023).

Личный вклад автора заключается в обосновании подхода к изучению средств обозначения *недовольства собой*. Автором выявлены основные признаки и причины возникновения *недовольства собой* через категории вины, стыда, совести, чести, зависти и ревности, установлены их сходства и различия в русской и китайской языковых картинах мира, что позволило получить новые научные результаты в области сопоставительной лингвистики.

Структура диссертации. Настоящая работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, сформулированы цель и задачи исследования, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, охарактеризована теоретико-методологическая база; раскрыты положения, выносимые на защиту, а также приведены сведения о научной апробации исследования. В завершение

введения описана структура диссертации.

Первая глава «Теоретические основы эмотивной лингвистики» посвящена анализу ключевых положений лингвистики эмоций, связанных с темой исследования. Рассматриваются представления об эмоциях в психологии и лингвистике, роль заниженной самооценки как фактора формирования *недовольства собой*, а также основные понятия когнитивной лингвистики. В центре внимания – взаимосвязь языка и мышления, а также связь языка с обществом и культурой, что позволяет рассматривать эмоциональную сферу языка в антропоцентрическом аспекте (Н.Н. Болдырев; В.З. Демьянков; Е.С. Кубрякова; А.Э. Левицкий). Отмечается, что терминологическая неоднородность и классификационная неопределенность остаются общей проблемой эмотивной лингвистики и межъязыковых сопоставительных исследований (С.В. Лопаткина, С.А. Маннапова).

Особое внимание уделяется истории изучения эмоций в русской и китайской лингвистике. В русской научной традиции эмоции рассматриваются как мотивационная и когнитивная основа языка (В.И. Шаховский). В рамках Московской семантической школы разработана семантическая «рамка» описания эмоций в наивной языковой картине мира (Ю.Д. Апресян).

В китайской лингвистике развитие данной области остается менее системным. Оно преимущественно связано с анализом метафор: рассматривается динамическая интерпретация эмоциональных метафор (郭锡煌, Го Сихуан), показывающая вариативность их значений в зависимости от контекста, анализируются метафоры гнева, печали и страха (袁红梅, Юань Хунмэй). Исследования китайских лингвистов в основном сосредоточены на изучении когнитивной метафоры и ее прагматических функций (赵艳芳, 舒定芳, Чжао Яньфан; Шу Динфан и др.).

В первой главе рассматриваются основные характеристики и принципы классификации эмоций. Показано, что в русской традиции эмоции понимаются как особый класс психических процессов и состояний, связанных с потребностями и мотивами личности и отражающих значимость жизненных ситуаций в форме непосредственного переживания (С.Н. Мещеряков). В китайской традиции акцент делается на социально-практическом характере эмоций, поскольку эмоции формируются и

развиваются в процессе социальной деятельности и сопровождаются изменением жизненного опыта и точки зрения индивида (辞海, Цихай). Тем самым русская и китайская традиции по-разному акцентируют природу эмоций: психофизиологическую и социально-культурную.

Значимым для нашего лингвистического исследования является то, что возникновение эмоций тесно связано с взаимодействием стимулов с потребностями человека. Эмоции, как правило, образуют оппозиции положительных и отрицательных переживаний. В обобщенном виде выделяются следующие фундаментальные эмоции: интерес-возбуждение, радость, удивление, горе, гнев, страх, стыд и вина (К. Изард). Это позволяет рассматривать эмоции как универсальное психическое явление, одновременно культурно обусловленное, что принципиально для анализа *недовольства собой*.

Различия в понимании эмоций отражаются и в нормах их проявления: в ряде культур ценятся сдержанность и самоконтроль, а в других культурах – открытое выражение чувств (Т.В. Ларина). Данные различия подтверждают значимость межкультурного подхода и демонстрируют связь способов выражения эмоций с национальными ценностями и типом коммуникативного поведения.

Отдельное внимание уделяется понятию самооценки, рассматриваемому с психологической и лингвистической точек зрения. В психологии выделяются завышенная самооценка (самодовольство), проявляющаяся в высокомерии и самопочитании, и заниженная (*недовольство собой*), связанная со скромностью, тревогой, отчаянием и стыдом (У. Джеймс). Самооценка соотносится с уровнем притязаний личности и формируется под влиянием как социальных оценок, так и принятия человеком самого себя (В.Д. Левин; С.Л Рубинштейн).

В лингвистическом аспекте установлено, что завышенная самооценка в русской языковой картине мира выражается через лексику превосходства и внешней демонстрации (*высокомерие, гордыня, заносчивость* и др.), тогда как заниженная – через сопоставление собственной незначительности с внешними силами, что отражено в лексемах *смирение, кротость, самоуничижение* (А.В. Санников). Анализ синтагматической реализации высокой и низкой самооценки показал, что обе формы предполагают «взгляд со стороны» как условие их языкового выражения (Л.И. Богданова).

В данной работе учитывались достижения когнитивной лингвистики и концептуального анализа. Обращение к понятию *концепт* обусловлено тем, что такие нравственные категории, как *вина*, *стыд*, *совесть*, *честь*, *зависть* и *ревность* исследовались в рамках концептологии, что позволяет учитывать не только их языковую репрезентацию, но и культурно-ценностное содержание. Особое значение для развития концептологии имеют труды Ю.С. Степанова, который рассматривал концепт как многослойное образование, включающее понятийный, образный и ценностный компоненты.

Для исследования связи *недовольства собой* с нравственными категориями *вины*, *совести*, *честь*, *стыда* важно учитывать, что с позиций лингвокультурологии акцентируется культурная обусловленность концепта: он рассматривается как носитель национально-языкового кода (А. Вежбицкая, В.Н. Телия), элемент национальной картины мира (В.И. Карасик, В.В. Красных), форма коллективного опыта и ценностей (С.Г. Воркачев, В.А. Маслова). В настоящем исследовании содержание *недовольства собой* понимается как эмоционально-оценочное и культурно-специфическое, что позволяет выявить универсальные и национально-специфические особенности его репрезентации в русском и китайском языках.

В завершающей части главы рассматривается метод концептуального анализа, имеющий значение для настоящего исследования. Данный метод был сформирован на основе семантического подхода и расширен за счет учета культурных и ценностных факторов. В трудах А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелева концепт анализируется через семантику слов, тогда как Н.Д. Арутюнова и Д.С. Лихачев подчеркивают необходимость привлечения данных фольклора, религии, искусства и жизненного опыта. В первой главе обобщаются основные методики концептуального анализа: уровневый подход Н.А. Красавского, многоэтапная схема И.А. Стернина, модель «трех слоев концепта» Ю.С. Степанова и ее развитие у В.А. Масловой с учетом разнообразных контекстов.

Существенное значение для данного исследования имеет теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в рамках которой метафора понимается как когнитивный механизм. Выделяются структурные, онтологические и ориентационные метафоры, что обеспечивает анализ способов концептуализации абстрактных и эмоционально-оценочных явлений. В работе исследуются концептуальные метафоры совести, вины,

стыда («совесть как внутренний судья», «вина как бремя» «стыд как физическое воздействие» и др.)

Во **второй главе** анализируется семантика *недовольства собой*: в толковых словарях это понятие не имеет отдельной словарной статьи и раскрывается лишь в общем описании эмоции недовольства. На основе словарей гуманитарных наук *недовольство собой* в данной работе определяется как сложное эмоционально-оценочное переживание – внутренняя негативно-критическая реакция на собственные поступки, мысли и качества.

На материале русского и китайского языков выделены позитивные и негативные контексты его проявления: в первом случае оно носит конструктивный характер, способствуя рефлексии и самосовершенствованию, во втором – сопровождается самообвинением, напряжением и чувством *вины*, раскрывая двойственную природу феномена.

Недовольство собой не имеет в рассматриваемых языках однословного эквивалента, но репрезентируется через морально-этические категории *вины*, *стыда*, *совести*, *чести*, *потери лица*, *зависти* и *ревности*. Выявлена его антонимическая связь с *самодовольством*: *недовольство собой* связано с самокритикой и рефлексией, *самодовольство* – с отсутствием критического отношения к себе. Для русской и китайской культур характерно осуждение *самодовольства* и понимание скромности как ценности, но при этом способы выражения *недовольства собой* существенно различаются: в русском языке оно обозначается прямо через категории *вины* и *совести*, в китайском языке *недовольство собой* нередко репрезентируется опосредованно: через образные характеристики внутреннего состояния, представления о *потере лица*, а также через связь личного поступка с семейной и коллективной ответственностью.

В **третьей главе** «Чувство вины как основа *недовольства собой*» проводится анализ роли категории *вины* в формировании *недовольства собой* и ее языковой репрезентации в рассматриваемых языках. При уточнении определения *вины* в русском и китайском языках подчеркивается двуплановый характер структуры *вины*. В русском языке разграничен объективный статус виновного и субъективное переживание виноватого; в китайском языке аналогично разделены внешний проступок 过错 и внутреннее переживание 内疚. Данное соотношение соответствует модели

Е.В. Падучевой с разграничением понятий «Вина 1» как объективного проступка и «Вина 2» как внутреннего чувства. Именно «Вина 2» и китайское 内疚 наиболее близки к *недовольству собой*, поскольку выражают внутренний самоупрёк и снижение самооценки.

Далее анализируются репрезентации понятия *вина* в русских и китайских фразеологизмах и пословицах. Установлено, что *недовольство собой* отражается в ситуациях тревоги, волнения, внутреннего дискомфорта. В русском и китайском языках *вина* осмысливается прежде всего как внутреннее состояние души, сопровождаемое тревогой и беспокойством: *Без тучи гроза не грозит, без вины душа не дрожит*, в китайском языке: 半夜敲门心不惊 (букв. *Без вины не будешь волноваться, когда в полночь кто-то стучит в дверь*). Эти пословицы подчеркивают, что чувство *вины* связано не с ожиданием внешнего наказания, а с самоосуждением личности.

Особое внимание уделяется выявлению различий в репрезентации понятия *вины* во фразеологизмах русского и китайского языков.

В китайской традиции *вина* понимается как внутреннее переживание, тесно связанное с обязанностью исправить собственные ошибки. Подобные представления отражает, в частности, пословица 聪明人不会在同一个地方摔倒两次 (букв. *Умный человек не упадёт дважды в одно и то же место*), где подчеркивается осуждение повторной ошибки, что напрямую связано с анализом ошибок, с необходимостью рефлексии.

В русском языке, напротив, *вина* может интерпретироваться через социальное признание проступка: *Ушёл – так прав, попался – так виноват*, где пословица фиксирует идею, что *вина* до ее обнаружения как бы «не существует», и человек формально остается правым.

Завершающая часть главы содержит сопоставительный анализ метафорического осмысления *вины* в русском и китайском языках. Обнаружено, что метафоры обеих культур объединяет идея внутреннего переживания *вины* как формы *недовольства собой*. *Вина* уподобляется «тяжелому грузу»: *взять на душу тяжёлую вину* и китайское 负罪 (букв. *нести вину*), а также «болезни» или «хищнику», разъедающему душу и *грызущему* сердце. Такие метафоры подчеркивают, что страдания порождаются не внешним наказанием, а внутренней самокритикой и

угрызениями *совести*.

В четвертой главе «Чувство недовольства собой и нравственные категории стыда и совести» проводится сопоставительный анализ их языковой репрезентации в русском и китайском языках, выявляется связь между самокритикой и моральными ориентирами личности.

В главе анализируется понятие *стыда* в русском и китайском языках: русское слово *стыд* этимологически связано с идеей отчуждения и отвержения, а китайское 惭愧 выражает внутреннюю рефлексию и самокритику при осознании моральной неправоты. В обеих лингвокультурах *стыд* трактуется как чувство неловкости при нарушении норм и несоответствии моральным требованиям; он обладает двойственной природой – от внешнего социального осуждения к внутреннему самообвинению, становясь формой *недовольства собой*.

Основные проявления *стыда* в русском и китайском языках тесно связаны с *недовольством собой* и возникают в ряде типичных ситуаций:

1) *стыд* направлен непосредственно на субъекта эмоции: ср.: *Стыд перед людьми – хорошее чувство, но лучше всего стыд перед самим собой* (Л.Н Толстой, НКРЯ), в китайском языке: 自慚形秽 (букв. *стыдиться самого себя, ощущая неполноценность*);

2) *стыд* возникает и в ситуации ошибки или слабости; ср. в русском языке: *Мне стыдно за свою слабость* (А.Г. Колмогоров); в китайском языке: 想到自己在教育孩子身上不曾花费多少功夫总觉得惭愧。巴金, «随想录» (*Мне стыдно за то, что потратил мало времени на образование детей*) (ВСС) (пер. С.Ч.);

3) *стыд* может быть вызван нечестностью или упущенными возможностями: *Наверное, я покраснел от стыда за обман* (А. Азольский, НКРЯ); или 赧颜汗下 (*Лицо из-за стыда становится красным, и голова потеет*) (ВСС) (пер. С.Ч.), где фиксируется *недовольство собой*.

Периферийные репрезентации *стыда* отражают не прямое самоосуждение субъекта, а выполняют иные – культурные, риторические или этикетные функции.

В китайской традиции *стыд* может обозначать везение: 惭愧, 我又经过了这一番。吴敬梓, «儒林外史» (*Го Сяоцзы встал, тигр уже исчез. Он сказал: «Стыдно, я опять избежал опасности»*) (ВСС) (пер. С.Ч.); *стыд*

выступает в составе формулы вежливости: 惭愧, 没有研究, 不能说什么。

叶圣陶, «两法师» (*Стыдно, я не хорошо разбираюсь в этом, ничего не могу сказать*) (ВСС) (пер. С.Ч.). В этом случае *стыд* 惭愧 служит маркером скромности и самоуничижения, используемым для соблюдения норм речевого этикета. Кроме того, *стыд* трактуется в буддизме как добродетель и моральный регулятор: 惭耻之服, 无上庄严。涅槃经卷十九 (*Одежда, которая сделана из «стыда», самая красивая одежда, потому что если человек знает, что такое стыд, то у него благородная и возвышенная натура*) (ВСС) (пер. С.Ч.).

В христианской традиции *стыд* и *совесть* могут противопоставляться по направленности нравственной оценки: «Стыд связан с оценкой человека перед другими людьми, тогда как совесть соотносится с внутренней ответственностью человека перед Богом» (В.В. Колесов).

Употребление русских и китайских фразеологизмов и паремий подтверждает прямую связь *стыда* с *недовольством собой*:

1) *стыд* возникает при нарушении нравственных норм. Русская пословица *Кто изменит слову, тот теряет стыд* и китайская 背信弃义 (букв. *Нарушить обещание – бесстыдство*) демонстрируют, что *стыд* сигнализирует о потере моральной правоты и выражает личную самокритику.

2) *стыд* выполняет и позитивную стимулирующую функцию. Китайская пословица 不耻不若人, 何若人有 (букв. *Не испытывая стыда от отставания от других, невозможно достичь их уровня*) показывает, что *стыд* и *самокритика* побуждают к самосовершенствованию. Аналогичные смыслы прослеживаются и в русских паремиях: *стыд* за невежество или праздность выступает мотиватором к саморазвитию.

Для интерпретации *недовольства собой* важен анализ содержания понятия *совесть* в русском и китайском языках. В русском языке *совесть* – это «внутренний судья», врожденное чувство добра и зла, механизм самоконтроля (от религиозного дара до социального регулятора), при этом наречие *совестно* в безличных конструкциях подчеркивает непроизвольность переживания, связанного с *недовольством собой*. В китайском языке *совесть* 良心 (букв. *доброе сердце*) в конфуцианской

традиции – врожденное нравственное начало, а в современности – внутреннее чувство моральной ответственности и самодисциплина. В обеих лингвокультурах *совесть* является источником внутреннего нравственного контроля и самокритики.

Особое внимание уделено метафорическому осмыслению *совести* в русском и китайском языках, передающему внутренний дискомфорт и переживание *недовольства собой* через ряд образных выражений:

1) *совесть* чаще всего осмысляется как «мучитель» и «исполнитель наказания»: *совесть грызёт*; в китайских метафорах: 良心的谴责 (букв. укоры, мучения *совести*). Эти образы символизируют внутреннее самонаказание и острое *недовольство собой*.

2) другой ключевой образ – «суд»: в русском языке: *суд совести*, в китайском языке: 良心的审判 (букв. судит *совесть*). *Совесть* выступает внутренним арбитром, который реализует самоосуждение.

3) не менее показателен образ «голоса совести»: *совесть кричит*; в китайском языке: 良心发现 (букв. *совесть заговорила*). Здесь акцентируется функция *совести* как внутреннего упрека, ведущего к исправлению своего поведения.

4) дополняют эту картину метафоры «бремени»: в русском языке: *груз совести*; в китайском языке: 良心负担 (букв. *груз на совести*), которые подчеркивают устойчивое психологическое давление, тождественное состоянию *недовольства собой*.

Анализ фразеологизмов и пословиц о *совести* в русском и китайском языках выявил устойчивые образы моральных оценок и поведенческих норм. В обеих лингвокультурах *совесть* предстает как важная нравственная ценность, но с разными смысловыми акцентами. В русском языке *совесть* преимущественно осмысляется как *внутренний суд* и *контролёр*: *Совесть не волк, а ест поедом*; *Совесть – лучший контролёр*. *Совесть* сближается со стыдом: *Стыд – брат совести*. Некоторые пословицы подчеркивают роль совести как источника внутреннего покоя и одновременно механизма самокритики: *У кого совесть чиста, тому ничего не страшно*; *От человека утаишь, от совести не утаишь*, где фиксируется именно внутреннее *недовольство собой*, сопровождаемое тревогой.

В китайском языке *совесть* может пониматься и как источник укоров

良心的谴责/折磨 (букв. *укоры совести*), что близко к русской традиции. Однако здесь более заметно осмысление *совести* через социальные и космические категории: 天地良心 (букв. *совесть неба и земли*). Эти модели выводят *совесть* за рамки индивидуальной психики, акцентируя ее универсальную и общественную значимость.

В пятой главе «Социально-оценочный аспект понятий, обозначающих *недовольство собой*», проанализированы понятия *честь* и *лицо* в обоих языках, а также выражения, связанные с *потерей чести* и *лица*. И *честь*, и *лицо* имеют ярко выраженный социальный характер, так как их значение формируется во взаимодействии личности с обществом и опирается на внешнюю оценку социума. *Потеря чести* или *лица* воспринимается как утрата общественного уважения и признания, что подчеркивает зависимость самооценки человека от мнения окружающих.

Лексикографический обзор свидетельствует, что понятие *чести* основано на идеях почитания, уважения и морального достоинства. В русской культуре *честь* ассоциируется с личным достоинством, доблестью и целомудрием; её утрата воспринимается как *позор*, провоцирующий *стыд* и *недовольство собой*. В китайском языке аналогом выступает 荣誉, акцентируя общественное признание и коллективную оценку, объединяя внешнюю похвалу и личную рефлекссию, становясь показателем социальной ценности *совести*.

Особое внимание уделяется синтагматическим связям лексики *честь* в русском и китайском языках. В обеих традициях *честь* осмысливается как ценность, которую необходимо хранить и защищать. В русском языке: *Береги честь смолоду*, в китайском – 维护自己的荣誉 (букв. *блюдет свою честь*). Эти сочетания фиксируют положительную норму поведения, но напрямую не связаны с внутренним *недовольством собой*.

Значимой для выражения идеи *недовольства собой* является семантика утраты *чести*. Русские и китайские конструкции, обозначающие *потерю чести*, описывают нравственное поражение, сопровождающееся позором и унижением. Близкое к этому значение имеет и метафора «запятнанной чести». В русском языке она реализуется в выражениях типа *запятнать честь*, в китайском – 荣誉不容玷污 (*честь не подлежит осквернению*) (ВСС) (пер.

С.Ч.). Образ запятнанной, оскверненной *чести* подчеркивает нарушение нравственной чистоты и вызывает чувство *вины* и *стыда*, что также отражает идею *недовольства собой*.

Сравнительный анализ фразеологизмов и пословиц выделил три направления осмысления *чести*: 1) *честь* как правда и праведность (*Где честь, там и правда*); в китайском: 勿沽名而钓誉 (букв. *не использовать бесчестные средства, чтобы получить честь*); 2) *честь* как результат труда (*Без труда чести не получишь*); в китайском: 勤劳使人敬佩 (букв. *Дождь делает землю зелёной, а труд вызывает уважение*); 3) изменчивость *чести* (*Сегодня в чести, завтра свиней пасти*), в китайском: 名誉扫地 (букв. *полностью потерять честь*). Эти выражения отражают социальную оценку личности и моральные нормы, имея лишь отдаленную связь с *недовольством собой*.

Анализ понятия *лицо* в русском и китайском языках показывает, что в русской традиции оно преимущественно обозначает внешность и социальный облик, имея лишь косвенную связь с *недовольством собой*. В китайской культуре существуют два базовых понятия: 脸 (личная мораль, нравственный облик) и 面 (общественный престиж и статус). Потеря 面 воспринимается как позор, а выражения 丢脸, 丢面子 передают внутренний дискомфорт и *стыд*. В отличие от русского понимания *лица* как внешней характеристики, китайская утрата *лица* напрямую соотносится с *недовольством собой* и моральным унижением.

Особое внимание уделено устойчивому выражению *потеря лица* в русском и китайском языках. В русском языке оно имеет два смысла: утрата индивидуальности и потеря социального достоинства. Китайское выражение 丢脸 всегда означает позор и публичное унижение, напрямую выражая внутреннее *недовольство собой*.

Анализ материала русского и китайского языков позволяет выделить три ключевые причины *потери лица*:

1) публичное проявление некомпетентности: *Вообще полная потеря лица: ведь увидят, что ты чего-то не знаешь!* (С. Плотников, НКРЯ). В китайском языке: 他已经屡次在二狗面前丢脸。老舍, «火葬» (*Много раз*

терял лицо перед своими подчиненными из-за того, что боялся воевать с врагом) (ВСС) (пер. С.Ч.);

2) неудовлетворенность внешним обликом или одеждой: *А для актрисы потерять лицо – смерти подобно* (Т.И. Луганцева, НКРЯ). В китайском языке: 我衣服都没有, 去了丢脸。钱钟书, «围城» (*У меня нет нормальной одежды, не хочу из-за этого терять лицо*) (ВСС) (пер. С.Ч.);

3) утрата контроля над эмоциями: *Я, их командир, да ещё легионер, впал в истерику, потерял лицо* (С. Валериан, НКРЯ). В китайском языке: 气代表你控制不住自己的情绪了, 发泄只是丢脸。刘慈欣, «中国 2185» (*Излить гнев перед другим – это просто потеря лица*) (ВСС) (пер. С.Ч.).

Различие в семантике устойчивого выражения *потеря лица* в русском и китайском языках заключается в степени его связи с внутренним состоянием личности. В китайском языке *потеря лица* непосредственно связана с общественной оценкой, чувством стыда и внутренним *недовольством собой*, тогда как в русском языке данное устойчивое выражение носит более широкий и менее специализированный характер, обозначая утрату социального достоинства и индивидуального облика.

В **шестой главе** «Средства, косвенно обозначающие *недовольство собой* при сравнении себя с другими» проанализированы лексемы *зависть* и *ревность* в русском и китайском языках. Рассмотрены их семантические особенности и метафорические модели, выявлены универсальные и национально-специфические способы репрезентации данных эмоций, а также их связь с *недовольством собой*.

В главе анализируется содержание понятий *зависть* и *ревность* в русском и китайском языках на основе данных лексикографических источников. В русском языке *зависть* как досада из-за чужого успеха делится на деструктивную «черную» и мотивирующую «белую». *Зависть* тесно связана с комплексом неполноценности и *недовольством собой*; *ревность* переживается как мучительное сомнение в верности, а оба чувства формируются через социальное сравнение и ощущение собственной несостоятельности. В китайской традиции понятие 嫉妒 объединяет *зависть* и *ревность*, разграничивая враждебность и любовную *ревность*; при этом 吃醋 обозначает *ревность*, а 羡慕 соответствует позитивной «белой зависти».

Особое внимание уделяется анализу пословиц и фразеологизмов, отражающих *зависть* и *ревность*. Установлено, что в народном сознании *зависть* понимается неоднозначно.

Обе эмоции в пословичном фонде осмысляются как источник внутреннего *недовольства собой*, ведущего к страданию и утрате самоконтроля. Наиболее очевидно *недовольство собой* фиксируется в выражении: *Зависть целится в других, а ранит себя*, где внимание переносится с внешнего объекта на внутреннее саморазрушение.

В русском языке *зависть* допускает и позитивное осмысление: пословица *Лучше жить в зависти, чем в жалости* подтверждает, что быть объектом зависти означает общественное признание и социальный успех. *Зависть* обладает двойственным характером: она способна нарушать внутреннее равновесие, одновременно служить свидетельством личных достижений и стимулом к развитию. Поэтому в русском сознании *зависть* выступает не только реализацией внутреннего *недовольства собой*, но и социальным индикатором признания.

Анализ китайских пословиц и устойчивых выражений показывает, что в китайской лингвокультуре *зависть* и *ревность* трактуются преимущественно социально: выдающийся успех и талант часто воспринимаются как повод для зависти и скрытой враждебности. Это отражено в пословице 人怕出名猪怕壮 (букв. *Человек боится известности, как свинья боится разжиреть*). Здесь проявляется специфика китайской культуры, ориентированной на сохранение гармонии и недопущение чрезмерной индивидуальной демонстративности. В отличие от русской традиции с двойственной трактовкой зависти – деструктивной и условно позитивной, китайские пословицы акцентируют её разрушительное влияние на межличностную гармонию.

Наиболее отчетливо *недовольство собой* проявляется в выражениях типа: 妒富愧贫 (букв. *завидовать чужому богатству и стыдиться своей бедности*), где фиксируется сравнение с другими людьми и осознание собственной неполноценности, которое порождает чувство *стыда* и внутреннего *недовольства собой*.

Ревность в китайском языке репрезентируется через метафору уксуса: 吃醋 (букв. *пить уксус*), 醋坛子 (букв. *кувшин с уксусом*). Эти выражения

обозначают подозрительность и утрату контроля, что вторично вызывает *стыд* за собственную несдержанность. Характерно и выражение 眼红 (букв. *покраснели глаза от зависти*), где телесный признак может быть знаком скрытого *недовольства собой*.

Особое внимание уделяется метафорическому осмыслению *зависти* и *ревности* в русском и китайском языках. Установлено, что *зависть* репрезентируется через следующие метафоры:

1) *зависть* в русском и китайском языках метафорически уподобляется *огню*, но с разным смысловым наполнением; русское выражение *разгорается в сердце зависть* подчеркивает нарастание эмоции, а китайский фразеологизм 妒火中烧 (букв. *сгорать в огне зависти*) отражает внутреннее мучительное напряжение и жар. При общей метафорической основе оба выражения передают разные формы переживания *зависти*.

2) *зависть* как *болезнь* и *яд*; в русском языке: *зависть точит душу*, *ревность — отраву жизни*; в китайском языке: 妒病 (букв. *болезнь зависти*), 嫉妒是毒药 (букв. *зависть — это яд*). Здесь прямая связь с *недовольством собой*: *зависть* осмысляется как разрушительное «отравление», разъедающее личность изнутри.

3) образ *зависти* связан с телесными признаками и цветом; в русском языке: *позеленеть от зависти*, *черная зависть*; в китайском языке: 眼红 (букв. *покраснели глаза от зависти*), где обнаруживается косвенная связь с *недовольством собой*: цветовые изменения фиксируют телесный дискомфорт, но не всегда указывают на прямое самоуничтожение.

Ревность в русском языке осмысляется через ряд образов, отражающих интенсивность внутреннего переживания и *недовольство собой*. Она может представляться как *тяжелое бремя* и *тоска* (*Её ревнивая тоска, / Как будто хладная рука / Ей сердце жмет...* (А.С. Пушкин), подчеркивая уязвимость субъекта и ощущение собственной неполноценности. Образ *слёз* фиксирует утрату самоконтроля и переживание *стыда* за собственную слабость: *От злобы, ревности, мученья и стыда / Я плакал — да!* (М.Ю. Лермонтов). Метафора *огня* передает утрату контроля и острое самоосуждение: *Она жжёт меня, чёрная ревность* (А. Блок). Наконец, *ревность* может осмысляться как *болезнь*, *яд* или *безумие*: *...ревности*

припадки – болезнь, так точно как чума, как чёрный сплин, как лихорадка, как повреждение ума (А.С. Пушкин), что позволяет интерпретировать ее как патологическое состояние души, напрямую связанное с *недовольством собой*. В китайском языке *ревность* передается через телесные метафоры, в том числе с помощью фразеологизма 吃醋 (букв. *пить уксус*), отражающего внутренний дискомфорт и напряжение. В отличие от русской трактовки с акцентом на психологическую патологию, китайские образы сосредоточены на телесном переживании эмоции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что *недовольство собой* – сложное эмоционально-оценочное состояние, которое проявляется через *вину, стыд, совесть, честь, «потерю лица», зависть и ревность*. *Вина* как осознание проступка сопровождается снижением самооценки: в русском языке она носит глубоко психический характер, воспринимаясь как внутренняя тяжесть, требующая искупления; в китайском языке разграничение внешней ответственности и внутреннего переживания определяет *вину* как обязанность исправить нарушение и восстановить социально-нравственный баланс. *Стыд* отражает переживание морального несоответствия: в русском языке это внутреннее смущение и личностный дискомфорт, а в китайской традиции – одновременно внутреннее чувство и социальный регулятор сохранения гармонии и иерархии. *Совесть* выступает ключевым механизмом формирования *недовольства собой* в обеих культурах: в русском сознании она является автономным внутренним судьей, порождающим самоосуждение независимо от окружающих; в китайской лингвокультуре она регулирует поведение, будучи тесно связанной с коллективной ответственностью и социальными нормами. *Честь* и *«потеря лица»* отражают социальный аспект негативной самооценки: в русском языке утрата *чести* воспринимается как внутреннее нравственное падение личности, а в китайской культуре «потеря лица» связана с публичным унижением и зависимостью самооценки от общественного мнения. *Зависть* и *ревность* репрезентируют опосредованный тип *недовольства собой* через механизм сравнения себя с другими. В русском языке различие «чёрной» и «белой» зависти демонстрирует двойственный характер оценки и возможность преобразования негативного переживания в стимул развития. В китайском языке 嫉妒 объединяет *зависть* и *ревность* в едином негативном ключе,

подчеркивая их социально-деструктивный характер.

В русской культурной традиции *недовольство собой* осмысливается преимущественно как внутреннее состояние личности, связанное с моральной рефлексией и стремлением к самосовершенствованию, а *самодовольство* оценивается отрицательно, поскольку ассоциируется с ограниченностью и отсутствием развития. В китайской культуре данное состояние имеет амбивалентный характер: оно может сопровождаться негативными переживаниями, но вместе с тем служит стимулом к личностному и творческому развитию. Его специфика определяется категориями *面子* и *羞愧*, отражающими сочетание внутреннего переживания с зависимостью самооценки от социальной оценки. Сопоставительный анализ выявил, что механизм негативной самооценки при нарушении нравственных и социальных норм является общим для обеих культур. Однако национально-культурные различия проявляются в способах интерпретации данного состояния: в русской традиции *недовольство собой* преимущественно понимается как внутренний нравственный суд и форма личной моральной рефлексии, а в китайской традиции оно в большей степени связано с социальной оценкой, поддержанием репутации, сохранением гармонии и саморегуляцией поведения в обществе. Таким образом, *недовольство собой* может рассматриваться как самостоятельная нравственная категория, объединяющая внутреннюю моральную рефлексию и внешний социально-оценочный аспект.

Список работ, опубликованных по теме диссертации
Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных
для защиты в диссертационном совете Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.8.
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (филологические науки)

1. Сюн Чанван. Чувство стыда как реализация недовольства собой в русском и китайском языках // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 138–145. EDN: RMCKKB. Импакт-фактор 0,652 (РИНЦ). 0,5 п.л.

2. Сюн Чанван. Лексико-фразеологические средства обозначения понятия «совесть» в русском и китайском языках // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка.

Языковое образование». 2022. № 1 (45). С. 156–162. EDN: BOTQZB. Импакт-фактор 0,44 (РИНЦ). 0,5 п.л.

3. Сюн Чанван. Семантический объем фразеологизма «потеря лица» в русском и китайском языках // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 82–89. EDN: TEYSMX. Импакт-фактор 0,544 (РИНЦ). 0,5 п.л.

4. Сюн Чанван. «Недовольство собой» и его отражение в русском и китайском языках // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 5 (114). С. 458–462. EDN: JJVWVT. Импакт-фактор 0,516 (РИНЦ). 0,72 п.л.